

— Огненные солдаты? Восполнить брешь?! — Чи Сяюй поперхнулся и выплюнул чай прямо на стол.

Чаинки полетели во все стороны, задев разложенный на носу лодки птичий корм. Чу Яо поморщился и молча отодвинул площадку подальше.

Сотник долго кашлял, прежде чем прийти в себя.

— И это твой выход из тупика? И Его Величество действительно на это согласился? — выразил глубокое сомнение Чи Сяюй.

На следующий день после мятежа в Императорском храме предков император Вуле приказал отпустить Духовную птицу и замять дело. В кулуарах поговаривали разное: всех мучил вопрос, какую цену заплатил Восточный дворец, чтобы смягчить гнев государя и спустить всё на тормозах. Сяюй сгорал от любопытства и сегодня, воспользовавшись тем, что Чу Яо выбрался покататься на лодке вместе со своим любимцем, наконец вытянул из него правду.

Поначалу это казалось безумием, но если поразмыслить, решение выглядело чертовски логичным.

После полудня набежали тучи, и заморосил мелкий дождь. Древняя река Ло подернулась густым туманом. Сквозь влажную пелену доносился лишь мерный, убаюкивающий скрип весел, а голоса людей на воде почти затихли.

Чу Яо стоял у носа судна. На жаровне шумел глиняный чайник, обдавая воздух клубами пара. Сняв ложкой белую пену, наследный принц наполнил опустевшую чашу гостя.

— Стоит ли так изумляться, брат Чи? — негромко произнес он. — Не забывай, когда-то они были грозным оружием в руках Великой Инь.

Чи Сяюй помрачнел:

— Сам ведь сказал — когда-то. Сейчас они не то что на элиту — на людей-то едва похожи... Ладно, бог с ними. Мне действительно любопытно: как тебе удалось убедить Его Величество?

— Вопрос о замене командующего завис в воздухе вовсе не из-за нехватки полководцев, — пояснил Чу Яо. — Отец просто не желает рисковать преданными людьми, но и доверять чужакам боится. С Огненными солдатами всё иначе. Все тридцать тысяч некогда служили в Столичной гвардии. Они подчиняются лично императору, их верность не подлежит сомнению.

Сяоюй лениво постукивал крышкой чашки. Тонкий фарфоровый звон сливался с тихим перестуком дождевых капель по навесу.

— С другой стороны, их имена стерты из военной истории Инь. В реестрах Военного министерства они не значатся. По сути, эти люди — призраки, которых не существует.

— И если что-то пойдет не так, — ровным, безразличным тоном добавил принц, — пусть за это отвечают призраки. Это лучше, чем подставлять живых.

Чи Сяоюй, прекрасно знавший подноготную Огненных солдат, уловил скрытый смысл этих слов.

— А ты безжалостен, — покачал он головой.

Чу Яо поднял взгляд. Его темные глаза, глубокие и холодные, как горное озеро, опасно блеснули сквозь речной туман.

— В залах дворца, под тяжестью императорской воли, нет места мягкосердечию.

Он разложил на столе лист бумаги и принялся растирать тушь.

— Я объяснил отцу, что Огненные солдаты — не просто армия. Одно их имя способно нагнать ужас на трусливую шваль. Отправив их, мы дадим понять упрямым вассалам: если они нарушают правила, корона тоже может переступить через закон. Хотят бунтовать? Пусть попробуют.

Сяоюй усмехнулся:

— Император как раз в бешенстве от демарша этих старых придворных с их коленопреклонениями. Твои слова легли на благодатную почву.

Наследник кивнул. Под его кистью быстро рождались ровные строчки каллиграфического письма.

— Отец уже велел Кабинету составить указ. Через три дня я отправляюсь в Ганьчжоу под предлогом поимки принца Яня. Моя истинная цель — тайно связаться с главнокомандующим Огненных солдат Чэнь Ином.

Чи Сяоюй сдул чайную пенку, сделал глоток и тут же скривился от невыносимой горечи.

— Кха!.. Что это за дрянь?

— Рецепт, который ты сам же и выписал, — невозмутимо ответил Чу Яо. — Целебный отвар на коптисе. Ты говорил, он умиротворяет внутренний жар и укрепляет дух. А-Хэн наотрез отказался его пить из-за горечи. Вот я и решил угостить тебя.

Хотя ритуал Очищения духа закончился ничем, Цзюнь Жухэн всё же принял на себя три удара небесной молнии и едва не пал жертвой искажения ци. Всё последнее время его держали под строгим надзором в Обители Созерцания Волн, где за его здоровьем приглядывал Цзян Ли.

Этот верный слуга, упрямый как старый осел, бегал в лекарскую лавку по десять раз на дню, изводя Чи Сяюю расспросами. В конце концов лекарь не выдержал и выписал термоядерный сбор из коптиса и софоры, велел поить им больного ежедневно. Сяюй искренне считал, что у обитателей Восточного дворца просто дурь так и прет наружу от избытка душевного жара.

И вот теперь Его Высочество лично преподнес эту горькую микстуру самому лекарю. Отказать Чи Сяюй не посмел, а потому лишь безмолвно кривился, глотая собственное зелье.

— Твоя шахматная партия началась еще во время мятежа в Цзичжоу, верно? — Сяюй заметался по каюте в поисках чего-нибудь сладкого, чтобы заесть горечь, но продолжал говорить деловым тоном: — Те письма от имени фальшивого Ян Бинжэня не только помогли убрать неугодных, но и заложили основу для нынешней смуты. А фокус с Духовной птицей, пусть и срежиссированный экспромтом, пришелся как нельзя кстати. Не случись этого, фракция капитулянтов не посыпалась бы так стремительно. Одно мне непонятно: ради чего все эти тонкие интриги? Неужели просто ради того, чтобы выказать преданность императору?

Чу Яо одарил его долгим взглядом, в котором без слов читалось: «Если не замолчишь, заставлю сожрать сухой корень коптиса целиком».

Лекарь благоразумно притих.

Наследник не ответил прямо, задав встречный вопрос:

— Тебе известно, почему Огненные солдаты получили такое имя?

— Разумеется. Их зовут Огненными солдатами-призраками, — охотно отозвался Сяюй. — Двадцать лет назад тридцать тысяч воинов Столичной гвардии выдвинулись на запад против племен цян. На заставе Сюаньцяо в Ганьчжоу они попали в кольцо лесного пожара. Никто не выжил. Странно то, что спасатели не нашли ни одного тела, ни единой косточки. Зато в последующие годы по Ганьчжоу поползли слухи о призрачной армии. Но это были не выходцы с того света, а выжившие гвардейцы, чьи лица до неузнаваемости изуродовал огонь.

Сотник самодовольно хмыкнул:

— Не зря же я столько лет протираю штаны в Цзиньивэй.

Кончик кисти Чу Яо замер, смазав последний штрих.

— А написано ли в секретных архивах Цзиньвэй, какой именно лесной пожар способен дотла выжечь человеческую плоть, оставив невредимой лишь иссохшую оболочку? Какое пламя превращает людей в живых мертвецов, обреченных вечно скитаться по земле?

Чи Сяоюй тяжело сглотнул.

Признаться честно, все его познания основывались лишь на пыльных манускриптах, и до этого дня он сомневался, существуют ли Огненные солдаты на самом деле.

Но стоило Чу Яо спокойно произнести: «Истинное пламя Самадхи», как лекарь окончательно потерял дар речи.

Внезапная волна качнула судно. В каюте раздался глухой стук.

Красная нить на пальце Чу Яо натянулась. Сяоюй заглянул за занавеску и хмыкнул: сонная Духовная птица скатилась с парчового матраса на пол. Малыш даже не проснулся — лишь пробормотал что-то сквозь сон, перевернулся на другой бок и снова мирно засопел.

Глядя на это беззаботное существо, лекарь ощутил странный укол жалости.

— «Кровь Бифан послужит ключом, истинное пламя наполнит Девять Инь... Прах трех тысяч душ обратится гневом, способным сокрушить Драконью жилу», — прошептал Чи Сяоюй, и улыбка исчезла с его лица. — Ты затеял эту грандиозную игру лишь ради того, чтобы исполнить пророчество того бродячего монаха. А я-то, дурак, решил, что ты действительно изменился ради одного человека.

Чу Яо некоторое время разглядывал написанное, остался недоволен, смял лист и бросил его в огонь жаровни.

— Через пару дней мы отправляемся. А-Хэна в последнее время изводят кошмары, боюсь, в дороге он совсем лишится сна. Будь добр, брат Чи, приготовь для него успокоительный настой.

Чи Сяоюй всматривался в безупречное, словно выточенное искусным мастером лицо наследного принца. Под этой прекрасной личиной скрывался холодный камень. Даже если бы его омыли теплой кровью собственного сердца, он бы не стал теплее ни на йоту.

— Не стоит лишних хлопот, — вздохнул лекарь. — У него просто истощение сил. Я выпишу пару рецептов, и к началу пути он будет как новенький.

В мыслях Чу Яо промелькнул образ: его напуганный кошмаром любимец жметя к нему, ища

защиты в его объятиях.

— Нет, — покачал он головой. — Делай, как велено.

Никому не дано было понять, какую сладкую власть имел над ним этот образ.

Когда лодка миновала Восточные ворота, Чи Сяюй потерял всякий интерес к прогулке, да и Чу Яо не собирался его задерживать. Лекарь сошел на берег.

Река становилась всё шире, а встречных судов почти не попадалось. Роскошная ладья Восточного дворца тихо покачивалась на волнах. В этой бескрайней водной пустыне они были совершенно одни — песчинка в бушующем мире, для которой любой берег мог стать домом.

Чу Яо откинул полог и вошел в каюту. Цзюнь Жухэн всё еще спал, беспокойно хмурия брови.

Пол каюты устилал мягкий шерстяной ковер, скрадывавший любые шаги. Чу Яо бесшумно подошел, подхватил юношу под колени и бережно перенес на широкую тахту у окна. От этого движения красная нить, связывающая их, случайно обвилась вокруг шеи Жухэна.

Взгляд принца потемнел.

После инцидента в Императорском храме предков А-Хэн почти всё время проводил в облике Духовной птицы. Чу Яо до безумия боялся потерять его, боялся, что тот снова сбежит. Стоило им покинуть Обитель Созерцания Волн, как он привязал тонкую алую шелковую нить к лапке птицы, а второй конец закрепил на собственном пальце.

Ему требовался тотальный контроль над каждым шагом возлюбленного. Это болезненное желание обладать им без остатка достигло пика после того, как глупый Воробышек самовольно сдался в Императорскую тюрьму.

Пальцы принца медленно скользнули по красной нити, касаясь нежной, белой кожи на шее юноши.

Жухэна вновь настиг кошмар. Бешеный, панический стук его сердца через Контракт согласия сердец волнами передавался Чу Яо, отзываясь в его теле острой, почти порочной вспышкой удовольствия. Пальцы принца непроизвольно сжались сильнее. Ощувив удушье сквозь сон, юноша приоткрыл рот, судорожно пытаясь вдохнуть воздух.

Он выглядел так, словно боролся со смертью.

Его бледные губы под давлением прилившей крови окрасились в лихорадочно-алый, болезненный цвет, делая его облик невероятно хрупким и в то же время порочно-

притягательным. Грудь юноши прерывисто вздымалась.

«Ах да, чуть не забыл сказать. Тушань», — вспомнились Чу Яо прощальные слова Чи Сяюя, который, уходя, облокотился на борт лодки. «Ищейки из Цзиньивэй с ног сбились, разыскивая его, а этот лис, оказывается, всё время прятался в Зале Беспредельного. И вот что мне не дает покоя: если император так хотел избавиться от Духовной птицы, он мог уничтожить её одним щелчком пальцев. Зачем было разыгрывать этот сложный спектакль?»

Лекарь тогда сделал паузу и добавил:

«Может, в памяти этого мальчишки скрыто нечто такое, чего до смерти боится сам Его Величество?»

Чу Яо провел пальцем вдоль красной нити до самого сердца А-Хэна.

Он смотрел, как спящий юноша инстинктивно жмет к нему, ласково коснулся подбородком его макушки и запечатлел невесомый, едва уловимый поцелуй на виске.

«Разве есть у тебя тайны, о которых я не знаю, А-Хэн?»

Метка контракта на груди принца слабо вспыхнула и тут же погасла. Чу Яо разочарованно вздохнул.

Контракт согласия позволял чувствовать боль и страх партнера, но не давал возможности читать чужие мысли. Даже сейчас, когда они были близки как никогда, Чу Яо не мог проникнуть в тайны, сокрытые в глубине этой хрупкой груди.

После недолгого колебания он развязал красную нить и легким движением извлек из рукава кинжал.

Если вскрыть грудную клетку, все секреты вырвутся наружу. Он желал абсолютной искренности. Хотел, чтобы А-Хэн отдал ему свое сердце — горячее, трепещущее, обливающееся кровью.

С этой мыслью он опустил сверкающее лезвие кинжала к шее спящего.

Словно в предчувствии смертельной угрозы, артерия на шее Жухэна испуганно запульсировала, кожа мгновенно покрылась мурашками.

На обычно благородном, бесстрастном лице принца проступило безумие.

Все эти дни пред его мысленным взором стоял образ раненого, окровавленного А-Хэна на алтаре Императорского храма предков. Тот был жалок, изможден, но до безумия прекрасен в своей агонии.

Достаточно лишь слегка надавить на сталь, и алая кровь тонкой струйкой побежит по изящной шее, скапливаясь в ямочках ключиц...

Чу Яо шумно сглотнул, обрывая опасные мысли, и осторожно прикрыл ладонью глаза А-Хэна.

Его милый Воробышек, конечно, будет плакать и умолять от боли, но он сам перевяжет его раны, затянет аккуратный узел бинта, а поверх повесит крошечный золотой бубенчик.

Чу Яо скосил глаза на окно, где за стеклом дрожали блеклые речные блики. В его душе разлилось странное, темное удовлетворение.

В этот момент ресницы юноши под его ладонью затрепетали.

Жухэн невнятно забормотал, его дыхание сбилось, и он резко распахнул глаза.

Ему снова привиделось, как Дева-змея вонзает кинжал ему в грудь. Сон был настолько реалистичным, что, очнувшись, он на самом деле почувствовал отчетливый запах крови.

Покрывшись холодным потом, А-Хэн рывком сбросил чужую ладонь со своего лица и замер. Перед ним сидел бледный, осунувшийся Чу Яо.

А из его правой ладони сочилась кровь.

— Проснулся? — тихо спросил принц. — Я разбудил тебя?

А-Хэн молча потянулся вперед и прижал тыльную сторону ладони ко лбу Чжибая. От ледяного холода его передернуло, и он тут же затрепетал от тревоги:

— Твой морозный яд... Снова приступ?

— В последнее время навалилось слишком много забот, я забывал вовремя принимать снадобья, — мягко ответил тот. — Пустяки. Всё уже прошло.

Кто, как не Цзюнь Жухэн, знал истинную причину этих «забот»? В прошлый раз приступ морозной кости случился из-за предательства великого наставника Яна, а теперь...

В груди юноши шевельнулось чувство вины.

Его рискованная игра принесла плоды, но доставила Чу Яо немало хлопот. Жухэн мог просчитать сотни исходов, но никак не ожидал, что принц возьмет на себя убийство ради его спасения. Чувство долга и раскаяния переполняло его. План с орошением Драконьей жилы провалился, и теперь ему отчаянно хотелось хоть как-то загладить вину.

— Ты порезал руку, чтобы заглушить боль от яда? — тихо спросил А-Хэн.

Чу Яо взглянул на окровавленную ладонь.

— Меча «Морозная кость» нет под рукой, поэтому приходится прояснять разум проверенным способом. К счастью, яд не успел проникнуть глубоко, так что ничего страшного... А-Хэн, ты что делаешь?

Юноша глубоко вздохнул и осторожно взял его раненую руку. Чу Яо негромко поморщился от боли. А-Хэн тут же ослабил хватку и с благоговейным трепетом поднес окровавленную ладонь к своим губам.

И прикоснулся к ней.

Зрачки принца сузились. Он завороженно наблюдал, как обветренные губы Жухэна коснулись пореза на ладони. Юноша медленно, почти интимно повел поцелуями вверх вдоль багровых потеков на пальцах. Свежая кровь окрасила его губы в лихорадочно-красный цвет, и эта болезненная картина вновь лишила Чу Яо воли.

А-Хэн наклонил голову и нежно припал губами к его окровавленным пальцам.

Тихий влажный звук поцелуев мгновенно унес мысли принца далеко от реальности. Его взгляд скользнул к полураспахнутому вороту чужих одежд, обнажавшему изящную шею, и безумное желание надеть на него бубенчик вспыхнуло с новой силой.

— Чу Чжибай.

Легкий, влажный звук разорвавшегося поцелуя вернул принца к реальности. Он поднял глаза и встретился с прямым, преданным взглядом А-Хэна.

— Больше не мучай себя так.

Чу Яо удивленно приподнял бровь, собираясь спросить, что это значит, но в следующую секунду его губы накрыло нечто мягкое и горячее. Рот мгновенно наполнился солоноватым вкусом крови.

От неожиданности дыхание принца сбилось, и он инстинктивно сделал глоток. Горячая влага

обожгла пересохшее горло, скользнула по пищеводу и теплом отозвалась в желудке.

Казалось, все невидимые раны и трещины, терзавшие это измученное тело на протяжении двадцати лет, в одно мгновение затянулись.

Жухэн с трудом отстранился, тяжело дыша. Он слегка прикусил нижнюю губу, чувствуя, как отголосок чужой боли приносит ему странное умиротворение.

Юноша поднял лицо и, глядя принцу прямо в глаза, отчетливо произнес:

— Отныне и навсегда... я стану твоим лекарством.

Чу Яо молча смотрел на это беззащитное лицо. Его пальцы, лежащие на покрывале, вновь крепко сжали рукоять кинжала.

Спустя долгую минуту он убрал оружие в рукав и мягко положил ладонь на затылок А-Хэна. Прежде чем тот успел почувствовать холод его кожи, принц подался вперед и прижался своим лбом к его лбу.

— Хорошо. Смотри же, А-Хэн, держи свое слово.

Пять дней спустя

День отъезда настал незаметно.

Водный путь завершился у переправы Игуань — дальше ладья пройти не могла. Отряду Восточного дворца пришлось пересест на коней и повернуть на север через заставу Тунгуань. Путь до границ провинции Ганьчжоу занял пять долгих дней.

Едва они миновали пограничный столб, навстречу им вышел помощник управителя Ганьчжоу Чжоу Гуаньжу, уже давно ожидавший прибытия важного гостя.

— Нижайший слуга приветствует Его Высочество наследного принца! — склонился в поклоне чиновник.

Господину Чжоу было под шестьдесят, и он, вполне оправдывая свое имя, выглядел чрезвычайно утонченно и благообразно. Совершив церемониальный поклон, он жестом подозвал подчиненного, державшего в руках увесистую стопку бумаг.

— Докладываю Его Высочеству: каждое появление мятежного принца Чу Линьюя на землях Ганьчжоу было тщательно задокументировано моими людьми. Прошу вас ознакомиться.

Начать разговор о делах прямо с дороги, не дав гостям даже смыть дорожную пыль — такой шаг выдавал крайнее нетерпение старого чиновника и заставлял усомниться в его искренности.

Однако Чу Яо вел себя как обычно. Сегодня на нем не было стеклянной маски, отчего его взгляд казался блуждающим и высокомерным, но голос звучал на удивление тепло и радушно:

— Господин Чжоу столь рьяно печется о благе короны. Ваше усердие похвально, и Его Величеству о нем непременно доложат. Бумаги мне ни к чему. Моя цель — вернуть дядю, принца Яня, в столицу. Предоставьте мне его, а всё остальное меня не интересует. Как и моего отца.

Услышав это, Чжоу Гуаньжу заметно расслабился. Его плечи облегченно опустились.

Выпрямившись, он посмотрел на молодого правителя Восточного дворца с глубоким, искренним почтением.

<http://bllate.org/book/18274/1750192>